243/457

Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по Ликвидации Неграмотности
ПРИ ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТЕ

Библиотечка
„ДОЛОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ“

Под общей редакцией
А. С. КУРСКОЙ

ПОДРОСТКИ НА ФАБРИКЕ

„ДОЛОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ“
МОСКВА — 1925.

Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по ликвидации неграмотности
ПРИ ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БИБЛИОТЕЧКА „ДОЛОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ“
под общей редакцией **А. С. Курской**

ПОДРОСТКИ НА ФАБРИКЕ

Сост. **И. Клепеницер**

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДОЛОЙ НЕГРАМОТНОСТЬ“
МОСКВА—1925

5-я типография
«Транспечати» НКПС
«Пролетарское Слово»,
Москва, Южный п., д. 4.
Главлит № 36064.
Тираж 10000 экз.

МОЛОДЕЖИ —
ВЕСЕННИЙ ПРИВЕТ.

В заводских корпусах, в чаду фабричной
гари,
На улицах, в полях, в извивах черных
шахт,
У людных пристаней, у топок—кочегары
С дрожаньем мускулов и с копотью
в ушах,—
Подростки, схожие по речи и в одежде,
Которых труд связал сильней крепчайших
смол.
Из вас растет союз рабочей молодежи,
Надежда партии, Всемирный Комсомол.
Работа в мастерских, работа на рабфаке,
Работа вечером, работа по утру,
Так разгорается и блещет красный
факел,
Так укрепляется и плещет в мире труд.

Туманный.

Да здравствует гений всемирных чудес—великий и творческий труд.

УИТМАН.

Для чего нужен капиталистам труд подростков.

В самом начале капитализма труд подростков применяется очень слабо. Но очень скоро капиталисты поняли выгоду от применения детского труда и стали широко им пользоваться. Уже в 1833 году, в Англии, применялся труд детей от 5 до 9 лет, при чем их заставляли работать 14—16 часов в сутки.

По мере развития техники, введения машин труд становится все более простым, и потому становится возможным и выгодным широкое пользование трудом женщин и детей. Капиталисты предпочитают детский труд, как наиболее дешевый. Родители—рабочие и разоряющиеся мелкие собственники принуждаются «костлявой рукой голода» бросать своих детей в об'ятья бесчеловечной эксплоатации.

В конце XIX и начале XX веков детский и юношеский труд стал применяться особенно широко. Во всех странах число рабочей молодежи начинает составлять весьма внушительную цифру по отношению к пролетариату вообще. Так, в Москве, по переписи 1902 г., оказалось 96.140 малолетних рабочих в возрасте от 5 до 17 лет. В Германии, по переписи 1907 г., было три миллиона молодых рабочих, в возрасте от 14 до 18 лет. В Швейцарии в 1912 г. на 405.000 рабочих приходится 92.000 малолетних рабочих, что составляет около $22^1/_2$% или более $^1/_5$.

При этом трудом молодежи пользуются: 1) в капиталистической крупной промышленности, 2) в ремесленном производстве.

Если капиталисты предпочитают детские рабочие руки, как самые дешевые, то в еще большей степени выгоден дешевый труд мелким производителям—ремесленникам. Только благодаря безграничной эксплоатации рабочей молодежи мелкая промышленность не вытесняется крупным производством. Ученики и их работа спасают мелкую промышленность.

Но какой ценой достается это «спасение». Ценой жизни тысяч и тысяч молодых существ, не знающих «золотой поры детства», исполняющих изнурительную работу, рано стареющихся и безвременно погибающих.

Только Советская власть положила конец беспощадной эксплоатации, жестокому угнетению рабочей молодежи. Она в корне изменила и облегчила труд подростков. Малолетние вовсе не принимаются на работу. Подростки от 16 до 18 лет работают только 6 часов; при чем они не только работают, но обучаются производству в специальных школах—фабзавучах. Есть закон, по которому в каждом производстве обязательно должны работать и учиться подростки. Это нужно для того, чтобы подготовить смену знающих (квалифицированных) рабочих. Закон устанавливает число подростков, которое всегда должно быть в производстве. Это число устанавливается в процентах по отношению к числу взрослых рабочих Например, на 100 взрослых рабочих должно быть 6 подростков. Так-что, если на заводе 1.000 рабочих, то 60 мест должно быть предоставлено подросткам. Процент подростков может быть и выше 6-ти.

Установленное обязательное количество подростков называется «броней». Нарушить броню нельзя, то-есть нельзя ее уменьшить, нельзя подростков снять с работы. Профсоюзы и представители самой молодежи следят, чтобы интересы подростков не нарушались. Советская власть стремится к тому, чтобы еще более улучшить условия труда подростков, сократить их работу до 4 часов, увеличить их заработок, сделать его таким же, как зара-

боток взрослых, которые работают 8 часов, поставить хорошо обучение.

Значит, в Советском государстве труд подростков не дешевый труд, а, наоборот, труд дорогой. Советское государство не занимается угнетением рабочей молодежи, оно стремится сделать труд радостным и творческим.

Чтоб труд владыкой мира стал и всех в одну семью спаял.

Вопросы: 1. *Найдите на карте Германию, Швейцарию Англию.*

2. *Почему при введении машин стали применять детский труд?*

„Мальчики созданы для работы",—

говорили капиталисты.

„Молодежи предстоит задача создания коммунистического Общества",—

говорил ЛЕНИН.

Забота об оплате труда подростков.

Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов обратился ко всем Профсоюзам с указанием на то, что средний заработок рабочего подростка НИЖЕ заработка взрослого рабочего и предлагает устранить это явление. ВЦСПС предлагает произвести на всех предприятиях проверку подготовленности (квалификации) в работе подростков и проверить, правильно ли оценивается труд подростка. При проверке следует повысить плату подростков в соответствии с их подготовленностью (квалификацией) к работе в производстве.

(Из газ. «Правда» за 1925 г.).

Егорка на отдыхе.

Был на Куваевской фабрике, в Иваново-Вознесенске, мальчик «Егорка». Поступил он как-то в кузнечное отделение. К 18 годам—он уже самостоятельный мастер-кузнец. Не зазорно у него было быть подручным-молотобойцем даже старикам, опытным рабочим...

Так было до осени прошлого года. Егорку Комарова наметили отправить на рабфак в Москву. Отбирали сначала трех кандидатов всей фабрикой, а окончательно остановились на Комарове после немалой прочистки кандидатов.

Не хотел Комаров ехать,—непонятно было, что будет делать в Москве. Настоял директор фабрики т. Балахнин:

— Нет, уж ты, пожалуйста, отправляйся. Да скорее возвращайся инженером. Нужны свои спецы-пролетарии....

В июне т. Комаров приехал на каникулы домой. Первый визит на фабрику... Заявился в дирекцию...

— Что, отдыхать?—встретили его.—Нет, брат, отдохни пока в кузнице, у нас там необорудование. Без тебя не обойдемся.

Действительно, там некому было работать, нехватало людей по срочной работе: расклепать старый водоочиститель.

«Егорка» взялся сделать это в 23 дня, попросил себе помощника молотобойца. И выполнил задание в . . . . 8 дней.

А после этого разобрал еще большую клепаную железно-гофрированную перегородку. Затем взялся расклепать второй, еще более огромный котел водоочистителя... В то же время, не забывает подучиваться, каждый вечер 1—2 часа заглядывает в учебники.

Сейчас т. Комаров перешел на второй курс. В глазах рабочих он—«свой», будущий инженер. С их стороны к нему общее уважение. Но его ценят так же и как рабочего специалиста—мастера своего дела. Несмотря на молодые годы, его выделяют как человека, проявляющего интерес к общественному делу.

«Егорка»—сын сапожника, умершего в Иваново-Вознесенске от туберкулеза. С 5 лет—он самостоятельный человек. Кончил Комаров два класса в школе, был в ремесленном училище. А специальность «раздобыл» у известного Ивановского мастера-кузнеца тов. Картошкина.

Тов. Комаров мечтает послужить рабочему классу.

Вопросы: *Для чего нужны знания рабочей молодежи?*

Тема: *Узнайте биографию директора вашей фабрики и составьте рассказ или небольшую заметку в стенгазету под названием: «Наш красный директор тов. . . . . .»*

Знание и труд к коммунизму приведут.

КУЗНЕЦЫ.

Мы,—кузнецы, наш голос молод,
Но мы поем, а не молчим,
Мы поднимаем железный молот,
По наковальне мы стучим.

Ведь после каждаго удара
Сильнее руки, легче труд,
И со всего земного шара
К нам угнетенные идут.

Так громче песнь, так ярче пламя!
Нам тяжело, но мы поем!
Мы—кузнецы, идите с нами,
Мы счастье миру создаем.

Отцы! Преград ломайте стены,
За ними лучший мир, отцы.
С годами к вам придем на сцену
Мы. молодые кузнецы!

Игнат из Новоселовки.

Пройдя широкий двор, загроможденный старыми частями станков и машин, тележками, колесами, под'емными кранами и целыми вагонами, Игнат взялся за ручку двери и переступил высокий порог, и в тот же миг на него хлынула волна грохота и дикого воя.

Игнат на минуту остановился, оглушенный и растерявшийся.

Отец его, Максим Пастерняк, ушедший значительно вперед, вернулся и дернул его за руку.

— Ну, чего рот разинул. Ступай за мной.

Игнат покорно пошел вслед за отцом. Понемногу страх проходил, сменяясь удивлением перед мощью и движением мастерской, казавшейся одушевленной. Стал замечать, что вся шумящая громада имеет отдельные части. Там точился длинный вал, и стружка бежала от резца вниз белой спиралью, извиваясь точно змея в конвульсиях. В другом месте, сощурив глаза, токарь на быстром ходу резал медь, и стружка брызгала трескучим, сверкающим фонтаном. Суетливо сновал ползун строгательного станка и сосредоточенно клевал, словно дятел, долбежный станок...

Ну, ты уж теперь смотри,—предупредил Максим, поворачивая от широкого большего прохода в сторону между станками.—Не сунь куда-нибудь пальца.

Игнат старался не зевать. Но выходило так, что, когда он уклонялся от одного шкива или шестерни, с другой стороны его уже поджидал, выдвигаясь, какой-нибудь рычаг или скользивший ремень.

Чуть-чуть не зацепился блузой за шестерню. Он боялся остаться один и старался не отставать от отца.

Подойдя к длинному, громадному станку, стоявшему вдоль стены под окном, переплетенным железной решеткой, Максим остановился, отпер ящик и, положив туда узелок с харчами, стал вынимать резцы, ключи и прочий инструмент. Смазав станок маслом, забрал стружку, попробовал кронциркулем, еще прибавил, а когда вышло в самый раз, запустил самоход.

Отсюда был виден длинный ряд черных чугунных колонн, покрытых в конце ряда синеватой дымкой. Крепкими кронштейнами, как согнутыми в локтях руками, колонны держали чуть не стосаженный вал, густо унизанный шкивами. Казалось, что эти чугунные, холодно поблескивавшие шкивы собираются лететь куда-то, а внизу—станки, которые вдали сливались в одну чугунную массу, шевелящуюся своими мелкими членами. Рассеянные повсюду черные фигуры рабочих тонули в этой массе.

— Стой здесь,—приказал Максим Игнату, а сам подошел к группе товарищей.

Максим поздоровался.

— Привел,—спросил рабочий Журба.

— Что-ж, надо-ж когда-нибудь свой хлеб зарабатывать, хе-хе...

— Нравится, видно, тебе этот хлеб.

Максим чуть смутился.

— А чем плохо. Не ворованный, свой.

— Только и того...

— Да разве-ж ему пятнадцать лет,—спросил другой рабочий.

И правда, Игнату было меньше, но Максим уломал кума-писаря годок прибавить; тем не менее он уязвил:

— А ты разве больше был в такие годы.

— Что-ж ты дальше его не учил,—опять спросил Журба.—Гайка развинтилась.

— Какая тут учеба,—нахмурился Максим.—Читать, писать умеет—и ладно. Ты вот и совсем ни бельмеса не знаешь.

Донеслось протяжное цыкание.

Рабочие насторожились и потянулись на свои места. Между станками шел, чуть кивая головой на приветствия, в тужурке и бельгийской фуражке подмастерье Золотько, недавно сам работавший на станке токарем.

При его приближении Журба склонился над станком и сделал вид, что совсем ушел в работу.

Подмастерье на минуту задержался, точно чего ожидал, дернул плечом и пошел дальше.

Максим стащил картуз и низко поклонился.

— Сынишку вот привел, Николай Иванович.

— Угу... хорошо, пусть идет в контору.

Максим заискивающе улыбнулся.

— Я, Николай Иванович, тово... тут есть дрыгалочка свободная...

В конторе Игнат получил номер, а через полчаса стоял у дрыгалки и с живым интересом, даже суеверием, наблюдал, как вилась из-под резца и торопливо щелкала по зубьям храповника собачка. Благодаря этому любопытству он раз прозевал, и резец срезал не только головку болта, но и хомутик. Ремень заскользил и упал с шкива, резец лопнул. Игнат растерялся и бросился к отцу.

— Папаша,—дернул он Максима за блузу,—там станок... поламался.

Максим опрометью бросился к дрыгалке.

— Фу, ты... дурак.

А я то думал, что. Ворон ловить не надо, вот что.

И дал ему леща. Затем надел ремень, направил резец и, снова пустив станок, дал затрещину.

Мальчуганы, работавшие в ряду на других дрыгалках, перестали хихикать. А когда Максим ушел к своему станку, сосед его, работавший на другой половине того же станка, плюнул ему вслед и сказал, обращаясь к Игнату:

— Ты, ежели что, говори мне. Ишь, чорт, рад, что одолел. Тут, брат, нет такого права, чтобы драться.

Игнат наклонился к станку низко-низко и тихо ответил:

— Ничего...

— Да ты что. Смотри, волосы хомутом зацепит.

Игнат вздрогнул и поднял голову—в глазах стояли слезы.

— Ничего...

Игнат не заметил, как подошел отец.

— Ты что-ж, просить тебя надо. Ступай за кипятком. Обед сейчас.

После обеда Павел, сосед Игната по станку, показал Игнату, как работать на два хомутика и как точить резец в то время, когда станок идет. Потом показал крайне интересный для Игната фокус: передвинул на наводке валик—и собачка стала брать на храповике вместо одного, два зуба.

— Я, брат, и резьбу умею делать,—хвастался Павел.

Подошел рабочий, забрал часть обточенных болтов, на их место положил столько же необточенных. Сопротивляться Игнат не стал. Не хотелось говорить и отцу. Но тот сам подошел и, посмотрев на работу, заметил:

— Как будто больше было.

— Да это— дядя, вон тот самый забрал,—ответил за Игната Павел. Максим угрожающе подошел к рабочему.

— Зачем забрал, сукин сын.

— Не твое дело,—огрызнулся рабочий.

— Что-о. Не мое дело. Вор, подлец.

— Сам ты вор,—не смущаясь, ответил рабочий.

На минуту Максим растерялся. Игнат был уверен, что он сейчас ударит обидчика. Но рабочий держал в руках молоток, и Максим в бессильной злобе сучил ему кулаки и бросал путанные ругательства. И лишь, когда

пригрозил пожаловаться мастеру, рабочий сгреб взятые у Игната болты и швырнул ему обратно.

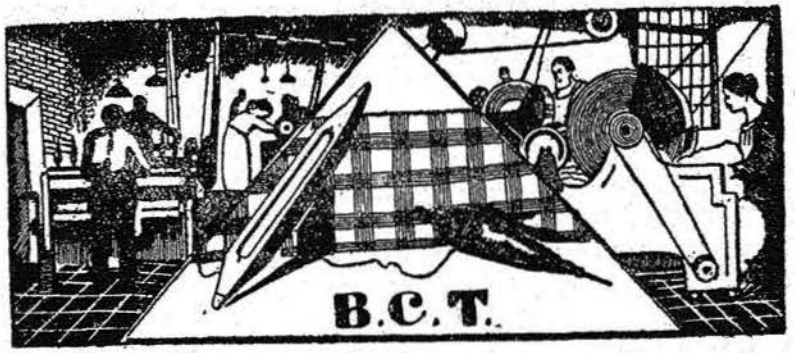
Рабочий сдался. Но сдался вовсе не из боязни Максима, это Игнат отлично видел. И почувствовал глубокое разочарование: значит, отец только дома так грозен, а здесь, среди этого железного грохота, и он такой же беспомощный, как и все.

Бибик.

Вопросы: *1. Был ли отец Игната сознательным рабочим?*
2. Где обучаются производству подростки при Сов. власти?

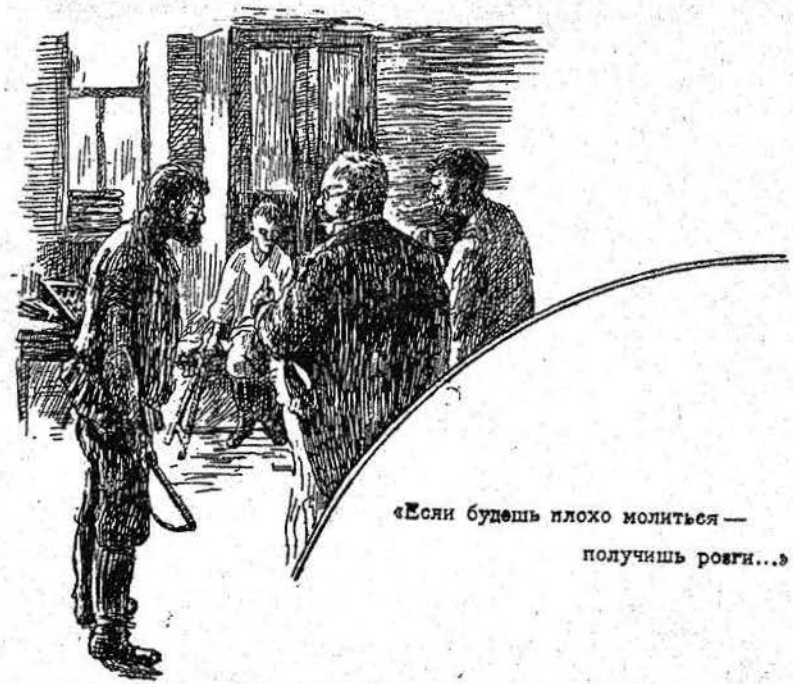
Темы: *Напишите рассказ на тему: «Мой первый день на фабрике», статью: «Как обучались работать подростки».*

Я родился в среде рабочего класса. Меня безжалостно угнетали. У меня были сильные мускулы. Капиталисты извлекали из них пользу, а мне бросали скудный кусок.



ТКАЧИ.

Грохот машин, духота нестерпимая,
В воздухе клочья хлопка,
Маслом прогорклым воняет удушливо...
Да, жизнь ткача нелегка.
Мучит, терзает головушку бедную
Грохот машинных колес.
Свет застилается в оченьках крупными
Каплями пота и слез.
Эх, да зачем же вы льетеся,
Горькие—горькие слезы из глаз?
Делу помеха, основа испортится,
Быть мне в ответе за вас...



«Если будешь плохо молиться — получишь розги...»

Подростки на фабрике.

Автор «Записок» В. Герасимов был отдан матерью в воспитательный дом в Петербурге.

В этом доме он пробыл не более двух недель, так как детей обыкновенно не оставляют там, а отдают на воспитание по русским и чухонским деревням. Его отправили в Финляндию, где он прожил до 11-летнего возраста.

Тогда вместе с другими питомцами он был отправлен в г. Нарву, на Кренгольмскую мануфактуру, где все они, согласно с контрактом, заключенным начальством воспитательного дома, должны были прослужить десять лет.

В предлагаемом отрывке Герасимов описывает условия, при которых происходила эксплоатация детского труда на фабрике Кренгольмской мануфактуры в г. Нарве в 60—70-х годах XIX столетия.

«На фабрику мы прибыли в первых числах июля 1864 года. Здесь нас поместили в седьмой казарме; девушек—в верхнем этаже, а нас в нижнем. Я, вместе с 30-ю другими мальчиками, попал в № 3. Как только мы разместились в своем новом жилище, к нам явился учитель и произвел нам нечто в роде экзамена, заставляя нас молиться по православному обряду. Но так как я молиться по православному не умел, то он наградил меня несколькими пощечинами и об'явил, что если завтра не буду хорошо молиться, то получу розги.

По уходе учителя я долго зубрил при помощи одного из русских питомцев молитвы, стараясь избавиться от наказания, которым грозил мне учитель. Выучив молитвы, я подошел к своей кровати и оглянулся. Комната наша была довольно обширная; посреди ее стояла русская печка, к одной из стен был привешен большой медный рукомойник, а вдоль стен стояли наши койки. Койки наши были железные, на них соломенные тюфяки и такие же подушки, простыни, наволочки и суконные одеяла. Рассмотрев все это, я лег на свою кровать, но мне долго не спалось на своей новой постели. Воспоминание за воспоминанием пробуждались в моей памяти. Я вспомнил о тех добрых воспитателях, с которыми я так нежданно должен был расстаться, вспомнил о своей родной матери, о ее ласках и тех горючих слезах, которые она проливала, когда приезжала ко мне. Предо мною пронеслось все мое прошлое... Но что же будет дальше,— думал я. Суровый прием, оказанный нам на первых порах, угрозы учителя и те пощечины, которыми он меня наградил при первой же встрече, не порождали розовых надежд, и будущее рисовалось мне в самых мрачных красках. Мне было грустно...

На другой день, утром, я встал с тяжелой головой. Убравши свою постель, я пошел на двор. Здесь было много мальчиков и девушек; с последними нам строго воспрещалось говорить или иметь какие-либо отношения. Все мы были печальны и скучны, нигде не было видно детской веселости.

На работу нас поднимали в 4 часа утра. Я работал на ватерных машинах и мне приходилось стоять все время на одной ноге, что было очень утомительно. Этот адский труд продолжался до 8 час. вечера.

Измученные этой работой до полного истощения сил, мы принуждены были в 9 часов вечера итти еще в школу, где нас учили или, вернее сказать, мучили до 11 часов. В школе нас обучали письму, чтению и арифметике. Но, конечно, учение наше шло очень плохо: до учения ли нам было в этот поздний час; тем более шло оно плохо, что наш учитель принадлежал к типу тех педагогов, которые признают кулак и розгу лучшими средствами для воспитания детей. Мы очень боялись учителя, бывали случаи, что некоторые из нас падали в обморок, когда учитель набрасывался с поднятыми кулаками. Усталые, измученные, дрожа каждую минуту в ожидании толчков и затрещин, мы ровно ничего не выносили из школы. Я помню, например, как один ученик делал у нас вычитание так: 2—2=2. И этот ученик учился уже 8 лет.

По праздникам и по воскресеньям к нам приезжал священник и учил нас закону божию.

По воскресным дням и по вечерам, по окончании работ, я не смел выйти никуда без билета, который должен был брать у учителя. Он, выдавая билет, обыкновенно говорил: «Смотри, я отпускаю тебя на час, если ты просрочишь, то—в карцер или розги». В карцер сажали на хлеб и на воду, а розог давали от 25 до 100. Розгами били в казарме, и при этой операции находились учитель, управляющий, Александр Егорович Фрей, и десятник, а наказывали сторожа. На фабрике же наказывали директор и его помощник, Василий Васильевич Тринкин. Эти лица были настоящие тираны; особенно отличались Тринкин и учитель. На фабрике наказывали плетьми. В конторе постоянно у дверей стоял палач Голянищев, который бил по приказанию начальников. Я привожу несколько фактов, как били меня самого. Один раз я нечаянно сломал щетку, за что получил 25 ударов плетью, другой раз—50 ударов за то, что проехал на под'емной машине с 4 этажа в 3-й; меня били так сильно, что на моей спине не осталось белого пятна,—вся была черная, как сапог. В карцере я сидел несколько раз: так, однажды я попал туда за то, что не успел на поверку. Не стану говорить о том, сколько я головомоек получил от десятников и от других... Скажу только, что на фабрике мастера и подмастерья явно убивали детей. Я сам видел, как один подмастерье бил одну девушку, которая на другой же день слегла в больницу и там умерла. Детей ставили часа на два на колени на осколки старых кирпичей и на соль, таскали за волосы, били ремнями... Словом сказать, делали с ними все, что хотели.

Пища у нас была самая скверная; каждый день одни щи и по маленькому куску говядины, а кашу варили только один раз в неделю, в субботу вечером. Иногда нам варили горох. Из-за него раз у нас вышла целая история. Однажды сварили нам его с червями, мы пошли к Фрею и просили его дать нам на ужин селедок, так как горох мы есть не можем, но он отказал. Потерпев здесь неудачу, мы решились отправиться к исправнику, но тут вышло еще хуже: нас отпороли на славу. Летом было особенно плохо, так как капуста была гнилая, мясо тухлое, хлеб заплесневевший.

Одежда наша состояла из пальто, полушубка и сапог, башмаков и шапки; вот и весь наряд. Белья нам давали две пары на полгода, переменяли нам его каждую субботу; но, несмотря на это, белье у нас было всегда грязно, так как верхней одежды у нас для работы не было и нужно было работать в одном белье. В первый же день по прибытии на фабрику белье наше загрязнилось до того, что не было и признака, чтобы оно мылось хотя когда-нибудь, а полушубок не покрывал и колен, а между тем казарма, в которой мы жили, отстояла от фабрики почти на целую версту: вот тут то и пробирал мороз.

Я еще не говорил ничего о нашем хозяине, Оресте Федоровиче Кольбе. Это был в полном смысле деспот. Однажды мне пришлось попасть к нему в когти. Это было вот как. Раз, по окончании работ, я пошел с товарищем в молочную лавку; мы там купили хлеба, масла и еще чего-то, не помню. Лавочник, как это водится, дал нам по папироске и мы, закуривши, вышли из лавки. Но, как на грех, навстречу нам попался хозяин, который, увидев нас, подозвал меня к себе и спросил, питомец ли я. Получивши утвердительный ответ, он сильно рассердился: «Такой молокосос, а куришь», закричал он и, обругав меня непечатными словами, схватил меня за волосы и начал бить по щекам. Не ограничившись этим, он подозвал сторожа и велел на другой день привести меня в контору, но, подумав немного, приказал сторожу отвести меня к Фрею и посадить в карцер. Но этим дело еще не кончилось. На другой день я по ошибке был вызван в контору; узнав от писаря, что он меня не вызывал, я пошел было назад, как вдруг совершенно неожиданно наткнулся на Тринкина. Я испугался не на шутку и хотел увильнуть от этой неприятной встречи, но было уже поздно. Как только поравнялся с ним, он накинулся на меня и сильно побил. Вот как дорого обошлась мне эта злополучная папироска.

Но жаловаться было некому, да и не зачем. Инспектор воспитательного дома, господин Безобразов, приезжал только раз в году, и то никаких жалоб не принимал.

В 1868 году, около Рождества, я маслил большой шкаф ватерной машины и попал в нее рукой. Ушиб был настолько силен, что меня отправили в больницу, где я пролежал четыре месяца. По выходе из госпиталя меня по моей просьбе перевели в ткацкую. Здесь мне было немного лучше; я работал на двух станках и зарабатывал от 18-ти до 22-х рублей в месяц. Из этих денег хозяину платил за свое содержание 8 рублей, а остальными покрывал долг, получая на руки лишь 5 коп. с рубля. Долгу к этому времени у меня набралось до 136 рублей.

При поступлении на фабрику директор положил жалованья нам 4 рубля; из этих денег нам давали лишь 8 коп. в месяц, т.-е. по 2 коп. с рубля. За такое жалованье я жил целых четыре года. До шестнадцати лет с меня хозяин брал за содержание 6 р. 50 к. Поэтому я оставался должен ему каждый месяц по 2 рубля 50 коп., а иной раз и больше, так как с нас часто брали штраф за разные провинности, и эти штрафные деньги присчитывались к долгу. Когда мне наступил двадцатый год, с меня хозяин стал брать за содержание по 10 рублей в месяц.

Таким образом и составился мой долг, на покрытие которого шел почти весь мой заработок. Через три года мне удалось выплатить все, что я должен был хозяину. Но положение мое после этого не особенно улучшилось, так как мне все-таки не выдавали на руки весь мой заработок, а только 10 коп. с рубля, остальные деньги шли в ссудо-сберегательную кассу, и я мог их тратить лишь под контролем хозяина. Из этих денег я мог покупать себе одежду, пищу и другие необходимые вещи. Теперь я ходил постоянно в чистом белье; одежда у нас грязнилась мало, так как в ткацкой была работа чистая.

Хотя мы теперь были уже на возрасте, но телесное наказание к нам применялось еще с полной силой. Кто плохо работал, того мастер бил по лицу. Иногда эти побои были очень жестоки: так, однажды, он ударил с такой силой одного питомца, что у того сделались нарывы в ушах, он слег в больницу и умер.

Дело было так. У одного питомца, Антона Дмитриева, попортилась машина, и потому работа его получилась плохого качества и попадала в брак. Мастер, не разобрав, в чем дело, оштрафовал Дмитриева на три рубля, и так сильно избил, что у него сделались нарывы, от которых он сильно страдал. В это время приехал к нам Безобразов, и Дмитриев жаловался ему, но его превосходительство Безобразов не обратил никакого внимания на его заявление. После от'езда инспектора болезнь Дмитриева усилилась и он слег в больницу. Через две недели его не стало... На другой день доктор вскрыл

череп и, вынув головной мозг, убедился, что смерть последовала от побоев. Он донес об этом хозяину, и по этому поводу было назначено нечто в роде домашнего «следствия». Это, как и надо было ожидать, кончилось полным оправданием мастера, который не только не поплатился за свой поступок, но даже остался служить на фабрике, продолжая истязать питомцев. По этому поводу мы еще раз жаловались, когда приехал к нам его превосходительство Безобразов, но он и на этот раз не обратил никакого внимания на нашу просьбу; жаловались ему также на пищу, но и из этого ничего не вышло. Он сказал, что было бы нам в обед что-нибудь похлебать тепленького, а вечером можно есть и хлеб с водой.

В казарме житье стало невыносимо: за все розги и розги. Из тех детей, которые приехали со мною из Нарвы, в живых уже нет и половины. Холод и голод свели их в преждевременную могилу. Были у нас протесты и бунты, но они не улучшали нашего положения и обыкновенно кончались поркой. Но так как побег был единственным исходом из нашего невыносимого положения, то я, несмотря на печальную участь своих предшественников, решился бежать».

В. Герасимов.

Вопросы: 1. *Какая была выгода хозяину от работы подростков?*

2. *Почему подростки терпели гнет капиталистов?*

3. *Кто заботится теперь о воспитании детей, не имеющих родителей?*

4. *Когда и как изменилось положение подростков на фабриках?*

Тема: *Составьте доклад на тему: Труд подростков прежде и теперь.*

Рабочим нечего терять, кроме своих цепей. Завоюют же они весь мир.

МАРКС и ЭНГЕЛЬС.

Положение малолетних рабочих в ремеслах и на фабриках в Англии.

В ремесленных производствах и на фабриках положение было следующее.

Встречаются случаи, когда дети начинают работать уже в возрасте трех и четырех лет и нередко в возрасте пяти, шести и семи лет, тогда как в общем они обыкновенно начинают работать в семь или восемь лет. Большинство детей начинает работать, следовательно, с девятого года жизни, хотя и существуют немногие производства, в которых дети начинают работать с десяти, даже с двенадцати лет и даже еще позднее.

Во всех тех случаях, когда работают совсем маленькие дети, родители всегда приспособляют их к какому-либо занятию у себя дома и под личным своим наблюдением; но, начиная с пятилетнего возраста и старше, дети уже массами работают в мелких или крупных мануфактурных заведениях.

Значительное количество всех лиц, занятых в ремеслах и на фабриках, состоит из подростков, не достигших еще тринадцатилетнего возраста, и еще большее число состоит из лиц 13—18 лет, хотя в отдельных случаях число лиц, не достигших 13-летнего возраста, равняется количеству лиц в возрасте между 13—18 годами, иногда даже превышает последнее, как это доказывают отдельные случаи...

В некоторых отделах весьма распространенных производств, например, при плетении кружев, при плетении из соломы и при расчестке шерсти занято большинство самых маленьких детей, не считая тех, которые работают у себя на дому под надзором своих родителей или хозяек в так называемых школах, которые в действительности являются скорее мастерскими...

Некоторые работодатели этих округов имеют обыкновение нанимать на работу детей по простым письменным условиям. При нарушении последних виновный может подвергаться заключению, что часто и случается, несмотря на его возраст.

В этих округах существует обычай, что родители занимают деньги у работодателей и обязываются особыми условиями возвращать долг из заработка детей; то же самое замечается в Бирмингаме и Варрингтоне, тогда как в большинстве других мест нет указаний на существование этой системы...

Почти всюду дети работают столько же, сколько взрослые, иногда 16, даже 18 часов, без перерыва...

Хотя в некоторых немногочисленных производствах и мануфактурах употребляются опасные машины и иногда происходят очень серьезные несчастные случаи, но дети в общем редко поставлены в такие условия, что подвергаются такого рода опасностям, хотя вообще несчастные случаи, как, например, раздробление рук, отрезанные или скомканные между зубьями шестерен и вальцовыми валами пальцы и попавшие в приводные ремни и измятые руки—в некоторых производствах и не являются исключительными происшествиями. Иногда ремней, колес и т. д. такое множество, и многие из них помещены на таких открытых местах, что рабочие всегда находятся в опасности и принуждены быть начеку, чтобы избежать несчастья; можно бы избежать многих несчастных случаев, если бы обращено было строгое внимание, чтобы машины поставлены были правильно и устроены были предохранительные аппараты.

Во многих из этих производств и во многих мануфактурных, особенно в булавочном производстве, в гвоздарнях, в кружевном производстве, а также на чулочно-вязальных фабриках, в ситцепечатнях, в гончарных заведениях и на табачных фабриках,—дети не только не получают хорошей и достаточной пищи, но даже теплого и приличного платья; на многие предложенные им вопросы они отвечают, что имеют редко, или даже никогда не имеют в достаточном количестве пищи, и что многие из них одеты в лохмотья. Общая жалоба заключается в том, что вследствие неимения подходящей одежды они не могут посещать воскресных школ или церкви.

В большинстве случаев физическое развитие детей очень серьезно пострадало под совокупным вредным влиянием подобной преждевременной работы, длины рабочего дня и недостаточного количества питания и одежды; в большинстве они кажутся удрученными, хрупкими, имеют бледный цвет лица и болезненный вид, малорослы и производят впечатление поколения с ослабленными физическими силами...

Болезни, главным образом, встречающиеся среди них и к которым они более восприимчивы, чем дети того же возраста и сословия, но которые не вынуждены работать,—следующие: болезненные явления органов питания, искривления и вывихи позвоночника, изуродования членов и болезни легких, кончающиеся истощением и чахоткой...

(Из парламентской анкеты в англии в 30-х г.г. XIX в.).

Вопросы: *Было ли каков-нибудь различие в положении рабочих подростков на Западе и в Росии?*

Какое различив теперь в положении подростков в СССР и западных государствах?

На фабриках—бархат, сукно и атлас
Вы ткали, склонясь над станками,
Но в рубище дети ходили у вас
И всюду их гнали пинками.

ЗАРЕВОЙ.

Джонни.

— Если ты не встанешь, Джонни, я не дам тебе есть.

Эта угроза не произвела никакого действия на мальчика. Он продолжал спать и также упорно не хотел расставаться со сном, как мечтатель со своею мечтой. Руки мальчика бессознательно сжались в кулаки, и он осторожно размахнул ими в воздухе. Эти удары предназначались его матери, но она привыкла к этому и, ловко увертываясь от ударов, продолжала сильно трясти мальчика за плечо.

— Оставь меня в покое.

Это был болезненный сонный крик, который быстро усиливался, превращаясь в дикий вопль, затем сейчас же затихал и переходил в жалобный стон. Это был стон животного, полный боли и протеста, стон существа, которое мучают.

Но она не обращала на это внимания. Она была женщина с грустным выражением глаз, утомленным лицом, и ее нисколько не удивляла эта сцена, так как она повторялась ежедневно. Она принялась стаскивать с него одеяло, но мальчик перестал размахивать руками, отчаянно уцепился за одеяло, и весь с'ежившись в ногах постели, все еще оставался прикрытым. Затем она принялась стаскивать матрац на пол. Мальчик сопротивлялся. Она напрягала все свои силы. Перевес оказался на ее стороне, и мальчик, и матрац должны были

уступить, при чем первый инстинктивно последовал за вторым, чтобы укрыться от ощущавшегося в комнате холода, охватившего его тело.

Когда он свалился на край постели, казалось, что он должен был упасть на пол вниз головой, но грозившая ему опасность пробудила в нем сознание. Он приподнялся и с минуту пробыл в таком положении, точно раздумывая, а затем стал на пол ногами. В ту же минуту мать схватила его за плечи и сильно тряхнула. Он снова сжал кулаки, на этот раз уже сильнее и с более ясно выраженным желанием ударить. В то же время он раскрыл глаза. Мать перестала трясти его, он проснулся.

— Встаю —проговорил он.

Она схватила лампу и поспешно вышла из комнаты, оставив его в темноте.

— Поскорее,—напомнила она ему. Он не обратил внимания на темноту и стал одеваться, а когда оделся—пошел в кухню. У него была тяжелая походка для такого худенького и легкого мальчика. Его ноги волочились от его собственной тяжести, что казалось странным потому, что у него были худые ноги. Он подвинул к столу стул с продырявленным сидением.

— Ты бы хоть раз сам догадался умыться,—упрекнула его мать.

Она сняла с котелка разбитую крышку и налила две чашки кофе. Он ничего не возразил потому, что это повело бы к ссоре между ними, так как это было единственное, в чем мать была тверда, как камень. «Хоть раз» относилось к тому, чтобы он вымыл себе лицо. Он вытерся мокрым, грязным, рваным полотенцем, от которого на лице у него остались нити.

— Как бы мне хотелось, чтобы мы не жили так далеко,—сказала она, когда он сел.—Но всякий лишний доллар составляет большую разницу, и потом у нас здесь просторнее. Ты понимаешь.

Он почти не слушал ее. Он столько раз слыхал это раньше. Круг ее мысли был невелик и он вращался на том, что они живут так далеко от заводов и фабрик.

— Сберечь лишний доллар значит купить больше с'естного,—поучительно заметил он.—Я скорее соглашусь пройти лишнее, только чтобы получить побольше с'естного.

Он торопливо ел хлеб, запивая, почти не прожевывая куски, глотками кофе. Горячая мутная жидкость, которую он пил, носила название кофе. Джонни думал, что это кофе, и даже превосходный кофе. Это была одна из тех немногих жизненных иллюзий, которые еще сохранились у него. Он никогда не пил настоящего кофе.

В добавление к кофе он получил маленький ломтик холодной свинины. Мать снова налила ему чашку кофе. Доев хлеб, Джонни устремил вопросительный взгляд, как бы спрашивая, что будет дальше. Мать сейчас же заметила это.

— Ну не будь же свиньей, Джонни,—сказала она.— Ты получил свою долю. Твои братья и сестры меньше тебя.

Он ничего не возразил в ответ на этот выговор. Он не любил много говорить. Он перестал и бросать жадные взгляды. Он никогда не жаловался и отличался терпением, которое было так же ужасно, как и та школа, в которой он научился терпеть. Он допил свой кофе, вытер рот рукой.

Продолжительный и протяжный свисток, раздавшийся вдали, заставил их обоих подняться на ноги. Она взглянула на жестяный будильник, стоявший на полке. Стрелки показывали половину шестого. Весь фабричный люд пробудился от сна. Она набросила на плечи шаль, а на голову надела темную бесформенную старую шляпку.

— Надо бежать,—сказала она, подвертывая лампу и задувая огонь на очаге.

Они ощупью спустились по лестнице и вышли из дому. На дворе было ясно и холодно. И Джонни вздрогнул при первом прикосновении свежего воздуха. Звезды еще не начинали бледнеть на небе, и весь город был окутан мраком ночи. Джонни и его мать волочили ноги на ходу. Нежные мускулы не чувствовали горделивого желания поднимать ноги и передвигать их по земле.

После пятнадцатиминутной ходьбы в молчании, мать повернула направо.

— Не опоздай,—было ее последнее наставление из поглотившего ее мрака.

Он ничего не ответил и спокойно продолжал свой путь. В районе фабрик ворота всюду были отперты, и он скоро смешался с толпой, которая во мраке торопливо пробиралась вперед. Когда он подходил к двери своей фабрики, снова раздался свисток. Он бросил взгляд на восточную сторону горизонта. Над вырисовавшимися на небе крышами зданий начинал брезжить бледноватый свет. Только в эту минуту он и видел день и сейчас же уходил от него, смешиваясь с толпой рабочих.

Он занял свое место в одном из множества длинных рядов за машинами. Перед ним, над ларем, наполненным маленькими катушками, быстро вращались большие шпульки. На них он наматывал джутовые нитки с маленьких катушек. Работа была простая. Все, что от него требовалось,—это быстрота. Маленькие катушки сматывались так быстро, и там было так много больших шпулек, которые наматывались, что не было ни минуты свободной.

Он работал механически. Когда маленькая катушка сматывалась, он, действуя левой рукой, как рычагом, останавливал шпульку и в то же время большим и указательным пальцами подхватывал убегавший конец нитки маленькой катушки. Эти сложные действия обоими руками быстро выполнялись одни за другими. Как молния, сверкали его пальцы, когда он связывал нитки узлом и пускал катушку. Не было ничего труднее этих узлов. Он хвалился однажды, что мог бы завязать их во сне. И поэтому ему казалось иногда, что жизнь его похожа на бесконечно длинный сон, во время которого он связывал концы ниток.

Некоторые мальчики плутовали, и у них машина долгое время не работала, так как они не заменяли смотавшихся маленьких катушек новыми. Для наблю-

дения за такими мальчиками имелся надсмотрщик. Он поймал однажды соседа Джонни и надрал ему уши.

— Посмотри на Джонни; почему ты не работаешь, как он,—спросил рассердившийся надсмотрщик.

У Джонни катушка вертелась с быстротой вихря, но его не тронула эта косвенно высказанная похвала. Было время... но оно было очень давно, очень давно. Его апатичное лицо ничего не выражало, когда он услыхал, что его ставят в пример. Он был безукоризненный работник. Он знал это. Ему так часто говорили это. Это вошло в обыкновение и к тому же, казалось, это не могло принести ему никакой особенной пользы. Из безукоризненного работника он превратился в безукоризненную машину. Когда работа шла у него нехорошо, это происходило у него по той же причине, как и у машины, вследствие дурного материала. Для него так же невозможно было совершить ошибку, как для гвоздильной машины, если она в порядке, выбросить неправильно сработанный гвоздь.

И в этом не было ничего удивительного. Он всегда, всю свою жизнь имел дело с машинами. Машины были для него почти родными и он вырос и воспитался при них. Двенадцать лет тому назад на этой самой фабрике в ткацкой произошло одно событие, вызвавшее некоторое волнение. Мать Джонни почувствовала себя дурно. Ее положили на пол среди гудевших машин. Заставили двух пожилых женщин бросить свои станки и подойти к ней. Тут же присутствовал надсмотрщик. Через несколько минут в ткацкой оказалось одним существом больше, чем вошло в нее утром. Это был Джонни, родившийся под стук и грохот ткацких машин, и с первого момента своего появления на свет уже вдыхавший теплый, влажный воздух, насыщенный летавшими по ткацкой хлопьями. Он сейчас же начал кашлять, стараясь освободить свои легкие от пыли, и поэтому-то он кашлял с тех пор.

Мальчик, работавший рядом с Джонни, всхлипывал и сопел. Лицо его выражало ненависть к надсмотрщику,

который издали не спускал с него грозного взгляда, но зато катушки наматывались исправно. Мальчик посылал ужасные проклятия вертевшимся перед ним катушкам, но звук его голоса не доходил до надсмотрщика, стоявшего от него на расстоянии шести футов; его голос заглушался гулом машины, закрывавшим его как бы стеной.

На все это Джонни не обращал никакого внимания. Он по-своему смотрел на вещи. К тому же это, повторяясь, становилось обычным явлением, и он много раз был свидетелем таких случаев. Ему казалось таким же бесполезным противиться надсмотрщику, как презирать требования машины. Машина делается для того, чтобы, действуя известным образом, исполнять известную работу. Точно также и надсмотрщик.

Д. Лондон.

Вопросы: 1. *Почему Джонни с трудом вставал?*

2. *В каких условиях приходилось жить и работать Джонни?*

3. *Что заставляло мать так обращаться с мальчиком?*

4. *Мог-ли Джонни любить свой труд?*

Пророк[1] грядущих солнечных веков,
Могучей мысли пламенный титан[2],
Ты бросил в мир великий властный зов.
«Восстаньте, пролетарии всех стран!»

Кириллов.

К. Маркс о детском труде.

Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством для того, чтобы применять рабочих без мускульной силы с недостаточным физическим развитием, но более гибкими членами. Поэтому женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин. Таким образом, мощное средство замещения труда и рабочих немедленно превратилось в средство увеличивать число наемных рабочих, подчиняя непосредственному господству капитала всех членов рабочей семьи, без различия пола и возраста. Принудительный труд на капиталиста не только захватил время детских игр, но овладел и временем свободного труда в домашнем кругу, в установленных правами пределах, для нормы самой семьи.

[1] Пророк: тот кто может предсказать будущие события.
[2] Титан человек обладающий силой, могуществом.

Забота инспектора.

В одиннадцать часов в мотальной все вдруг пришло в волнение. Причина этого волнения не бросалась в глаза, и тем не менее волнение мгновенно проникло всюду. Одноногий мальчик, работающий по другую сторону с Джонни, моментально скрылся, точно нырнул в тележку для катушек, которая стояла пустой. Он исчез в ней вместе со своим костылем. Вошел управляющий фабрики в сопровождении молодого человека. Он был хорошо одет и носил крахмальную рубашку—джентельмен, как Джонни определял людей, и в то же время «инспектор».

Он зорко смотрел на мальчиков, проходя мимо них. Иногда он останавливался и задавал вопросы. Когда он делал это, он должен был кричать изо всех сил, при чем лицо его смешно напрягалось от усилия заставить услышать себя. Его быстрый взгляд заметил пустое место возле Джонни, но он ничего не сказал. Джонни также обратил на себя его внимание, и он вдруг остановился. Он схватил Джонни за руку и оттащил его на шаг от машины, но затем сейчас же с удивлением выпустил его руку.

— Довольно-таки худощав,—сказал управляющий, улыбаясь.

— Точно дудочка,—последовал ответ.—Посмотрите на его ноги. У мальчика рахитизм—в самом начале, но уже есть. Если он не сделается в конце концов, эпилеп-

тиком, то только потому, что у него разовьется еще раньше чахотка.

Джонни слушал, но не понимал. Его нисколько не интересовали будущие напасти. Его тревожила грозившая ему в эту минуту напасть в лице инспектора.

— Слушай, мальчик, только мне хотелось бы, чтобы ты ответил мне правду,—сказал или крикнул инспектор, близко пригибаясь к уху мальчика, чтобы заставить себя услышать. — Сколько тебе лет?

«Сколько тебе лет?» «Четырнадцать», — солгал Джонни.

— Четырнадцать,—солгал Джонни, и солгал изо всех своих легких. Он солгал так громко, что у него вырвался сухой отрывистый кашель, поднявший всю пыль, которая каждое утро оседала у него в легких.

— На вид ему, по крайней мере, шестнадцать, — заметил управляющий.

— Или шестьдесят,—подхватил инспектор.

— Он всегда так выглядит.

— С каких пор?—быстро спросил инспектор.

— Четыре года. И он никогда не казался хоть немного старше.

— Или моложе, позволю себе заметить. Он, верно, работал здесь все эти годы.

— То работал, то уходил, но это было прежде, чем прошел новый закон,—поспешил прибавить управляющий.

— Машина не работает?—спросил инспектор, указывая на незанятую машину возле Джонни, на которой пущенные катушки вертелись как сумасшедшие.

— Что это значит?—Управляющий подозвал надсмотрщика, крикнул ему на ухо и указал на машину.— Машина не работает,—доложил он инспектору.

Они прошли дальше, а Джонни вернулся к своей работе, довольный, что опасность миновала. Но одноногий мальчик был не так счастлив. Зоркий глаз инспектора усмотрел-таки его. Его губы дрожали, а лицо имело такое выражение, как у человека, на которого обрушилось глубокое непоправимое бедствие. Надсмотрщик выразил удивление, как будто бы в первый раз увидел мальчика, между тем как лицо управляющего выражало досаду и неудовольствие.

— Я знаю его,—сказал инспектор.—Ему двенадцать лет. Я уволил его с трех фабрик в течение года. Эта уже четвертая.

Он обратился к одноногому мальчику.

— Ты дал мне честное слово, что будешь ходить в школу.

Одноногий мальчик разразился слезами.

— Смилуйтесь, господин инспектор; у нас умерло двое детей, и мы страшно бедны.

— А почему ты так кашляешь?—спросил его инспектор, как бы обвиняя его в преступлении.

И одноногий мальчик, как бы желая доказать свою невинность, отвечал:

— Это ничего. Я простудился на прошлой неделе, господин инспектор, вот и все.

И, в конце концов, одноногий мальчик вышел из мотальной вместе с инспектором, которого сопровождал обеспокоенный и протестующий управляющий. После

этого снова началась монотонная работа. Прошло долгое утро и еще более долгое послеобеденное время, и свисток просвистел время окончания работы. Сумерки уже наступили, когда Джонни возвращался с фабрики. Заходившее солнце золотило небо, посылая миру свои последние теплые лучи, и, наконец, исчезло на западе за розовой линией на синем небе, перерезанной крышами домов.

Д. Лондон.

Вопросы: *1. Почему ребята боялись инспектора?*

2. Было ли выгодно для подростков то, что малолетних не принимали на работу?

3. Почему фабриканты всячески обходили закон о запрещении приема на работу малолетних?

Тема. *Составьте небольшую пьесу по рассказам, Джонни и заботами инспектора, где была бы показана:*

1. Жизнь подростка дома.

2. Его работа на фабрике.

3. Потеря работы.

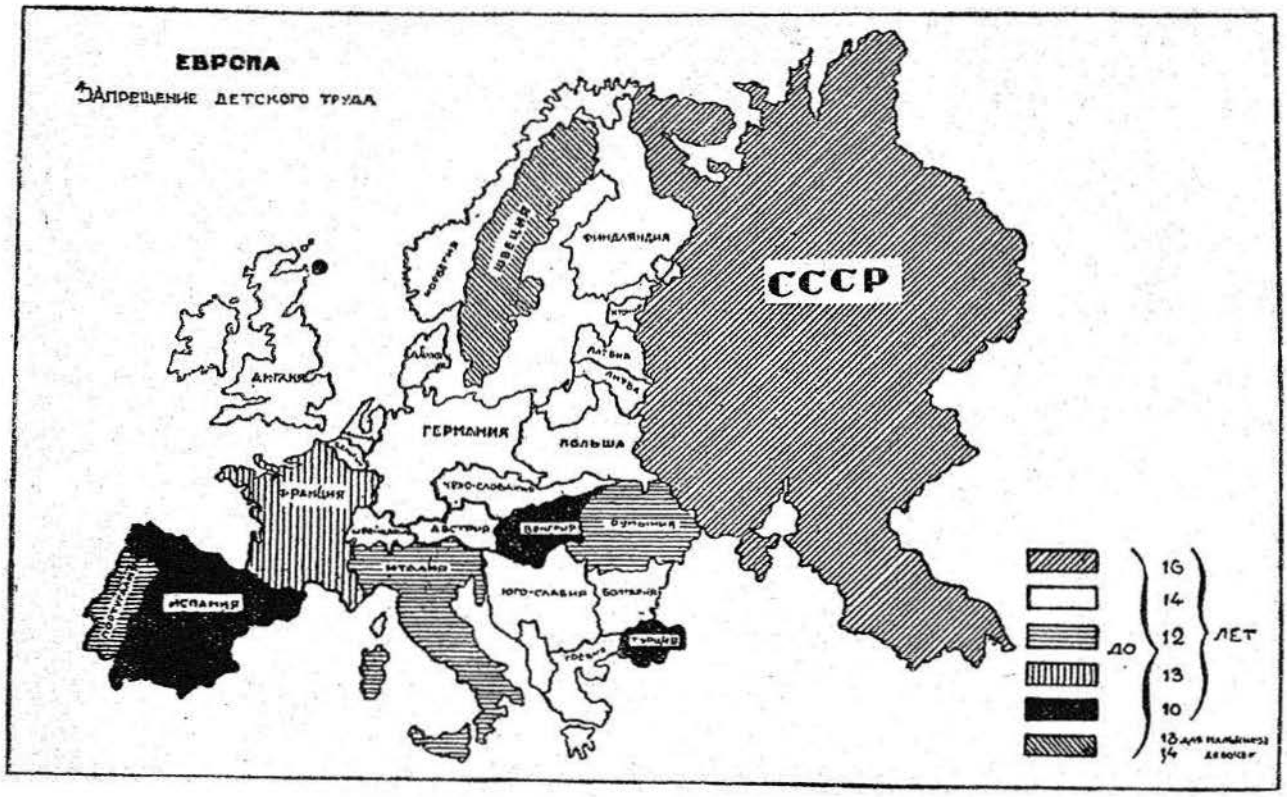
Охрана труда малолетних и подростков в СССР.

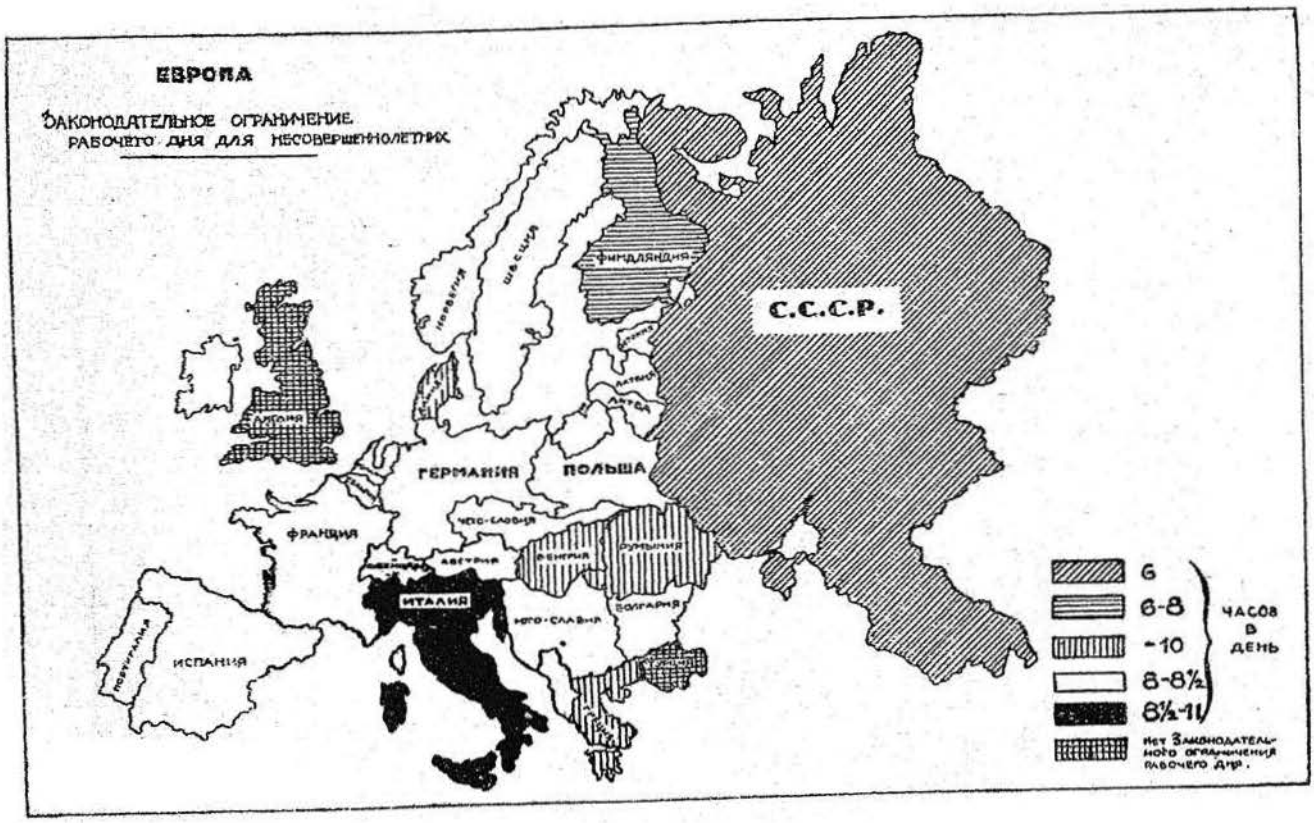
Чтобы сохранить здоровое поколение пролетариата, надо не дать непосильному труду калечить сызмальства еще слабый организм ребенка. И по нашим законам сейчас вовсе запрещается принимать на работу новых малолетних, моложе 16 лет. Дети до 14 лет постепенно снимаются с работы, при чем им предоставляется возможность обучения. Ранее поступившие малолетки от 14 до 16 лет переводятся на 4-х часовой рабочий день. Все подростки от 16 до 18 лет работают 6 часов. Всем малолетним и подросткам вовсе запрещаются ночные, сверхурочные и подземные работы. За свою работу подростки должны получать не меньше взрослого рабочего. Кроме того, подростки пользуются ежегодно месячным отпуском.

Закон об охране труда малолетних и подростков был впервые проведен в 1917 году.

В стране, где еще царит гнет капитала, охрана труда малолетних не спасает их от рабства и голода.

В свободной советской стране охрана труда молодежи—залог победы коммунизма.


ЕВРОПА
Запрещение детского труда
СССР
ФИНЛЯНДИЯ
ШВЕЦИЯ
НОРВЕГИЯ
ЛАТВИЯ
ЛИТВА
АНГЛИЯ
ГЕРМАНИЯ
ПОЛЬША
ФРАНЦИЯ
ЧЕХО-СЛОВАКИЯ
АВСТРИЯ
ВЕНГРИЯ
РУМЫНИЯ
ИТАЛИЯ
ЮГО-СЛАВИЯ
БОЛГАРИЯ
ИСПАНИЯ
ТУРЦИЯ
16
14
12
13
10
до
лет


ЕВРОПА
Законодательное ограничение рабочего дня для несовершеннолетних
С.С.С.Р.
ФИНЛЯНДИЯ
ШВЕЦИЯ
НОРВЕГИЯ
ЛАТВИЯ
ЛИТВА
АНГЛИЯ
ГЕРМАНИЯ
ПОЛЬША
ЧЕХО-СЛОВАКИЯ
ФРАНЦИЯ
АВСТРИЯ
ВЕНГРИЯ
РУМЫНИЯ
ИТАЛИЯ
ЮГО-СЛАВИЯ
БОЛГАРИЯ
ИСПАНИЯ
ПОРТУГАЛИЯ
6
6-8
-10
8-8½
8½-11
часов в день
нет законодательного ограничения рабочего дня.

Охрана труда малолетних в буржуазных странах.

В буржуазных странах капиталисты не заботятся о сохранении здоровья малолетних и подростков. Им выгодно получать дешевую рабочую силу, и поэтому в таких странах долго не было законов об охране труда: законов, не позволяющих так жестоко угнетать малолеток. Лишь в XX веке, под сильным давлением рабочих, начинают вводиться законы об охране труда. По этим законам подросткам и малолеткам запрещается работать в некоторых вредных производствах (работа под землей—до 14 лет), ограничивается рабочее время от 8 до $11^1/_2$ ч. в день и, наконец, на работу допускаются дети не моложе 10 лет. Не во всех буржуазных странах законы об охране труда имеют одинаковую силу. Например, в Италии малолетки допускаются на работу с 10-летнего возраста и рабочий день для них устанавливается законом от 8 до $11^1/_2$ часов в день. В Румынии малолетки и подростки допускаются к работе с 11 лет. Подростки с 11 до 18 лет работают от 8 до 11 часов в день. В Англии подростки с 1920 года принимаются на работу лишь с 14 лет. Подростки с 14 до 16 лет работают 8 часов в день. А в Турции совсем нет закона об ограничении рабочего дня для малолетних.

Закон об охране труда крайне невыгоден для фабрикантов. Ведь он лишает их дешевой рабочей силы. Но он также тяжело отражается на рабочей молодежи, которая вынуждена с раннего детства итти на заработки. Поэтому и те и другие всячески стараются обойти эти законы.

Забастовка мальчиков.

— Мишка!

Миша посмотрел строго на Прокофьева, потом опять нагнулся и продолжал писать мелом на верстаке цифры.

— Михайло, тебе говорю,—закричал Прокофьев, удивленный новым поведением Миши.

Миша вынул из кармана бумажку и переписал на нее цифры с верстака.

Разозленный Прокофьев рванулся к Мише, схватил его за плечо и, глядя прямо в глаза, заорал:

— Или уж ты мной командуй. Ежели свобода...

Миша вывернулся из-под руки Прокофьева, взял тряпку, стер мел с верстака и, сделав нос Прокофьеву, фыркнул и убежал.

И только издали он громко крикнул: «Поговорим завтра, сегодня некогда: дела у нас».

Это уж окончательно взорвало Прокофьева. С досады он бросил пилу на верстак, сложил руки на груди и, обращаясь к соседям, кричал:

— Ну, ладно,—в кладовую иду сам, за кипятком—сам, за инструментом—сам, за наждачной—сам... Будь он проклят завод. Развал кругом в этом ералаше.

— Так иди в комитет,—крикнул сосед фрезеровщик Прокофьеву:—разберут, решат.

— Да тут хоть в распрокомитет,—не поможет. Бить их нельзя, расчитывать просить—жалко. Вот она свобода... Свобода с двух концов, брат.

Весь потный, чумазый, злой кузнец кричал:

— Не завод, а чорт его знает что. Пришел—надо требование написать, а мальчишек днем с огнем не сыщешь.

Перцев растолкнул руками собравшуюся публику и подошел к кузнецу.

— Так, так... наматывай, а я за поддувалу.

— Да коева лешава—совсем от рук отбились.

— Господа, разойдитесь, пожалуйста. — заговорил прибежавший и уже испуганный мастер.—Я сам человек сознательный, но...

— Дураков в мастера не берут,—буркнул Перцев.

— Распустили вы завод-то окончательно: ни с кем ни сладу, ни сговору...—кричал кузнец.

— Да я-то тут при чем?—спрашивал виновато мастер.—В утренней смене я один. И что я сделаю? Инженеров нет, на меня глядят, как на товарища,—не слушают. Все мальчики заперлись в кипятильнике. Не полицию же призывать.

Мастер говорил это тоном отчаяния.

Быстрым ходом, волнуясь и, видимо, скрывая важность наростающих событий, прошли два мальчика.

— Де-ло-вые,—скалили зубы пожилые женщины.—Каково матерям-то от сорванцов.

Мальчики утирались рукавами, краснели, шморкали носами и уже бегом направлялись в кипятилку.

Староста шел следом за мальчиками и хотел войти к ним, чтобы узнать, в чем дело.

Но дверь в кипятилку захлопнулась перед самым носом старосты.

А из кипятильника все голоса кричали:

— Долой взрослых!

— Долой больших!

— Долой! Вы орали в свое время, теперь мы поорем!

— Я староста, по делу, должен же я знать...

— Узнаешь. Все равно. У нас свой будет староста. Когда надо будет—позовем.

Сконфуженный староста уходит.

А у дверей кипятилки уже терся Ванька Перцев.

— Ребятишки. Мальчишки... Пусти,—вопил он.

— Кто там?

— Пропусти,—хрипел Перцев,—на секунду по делу.

— Да кто ты?

— Свои, значит...

— Долой, пьяная сосиска. Отваливай.

— Мальчишата, не озорничай,—не унимался Перцев.—Всурьез: потому оставил у вас раскупоренного... «товарищи». Душа горит. Не надо ругаться, ребята.

Мальчики зашумели, заспорили, но решили впустить.

Перцев входил и ухмылялся.

— Парламент, значит... Дума... Пора и вам: в годах уже по-нонешнему... Депутатов будет теперича все больше и больше...

— Да замолчи. Собранье, чай,—прикрикнул на него один из мальчиков.

Гараська ободряюще командовал собранию.

— Выходи,—кто, который там, бери, пиши.

Выходил мальчик Степа:

— Мальчишки!—обратился он к собранию.

— Каки-таки мальчишки? Приучайся,—перебил его Гараська.

— Господа!—поправился Степа.

— Да не господа,—опять одернул его Гараська,—это у начальства так говорят, понимаешь: буржуазия... Товарищи,—произноси.

Степа пыжился, краснел, вспотел от волнения и произнес, отдуваясь:

«Н-ну-к... товарищи, поэвтому»...

— Да стой—вот уйдет Сороковкин-то.

— Легче ты, Гараська,—отозвался Перцев,—смотри, мне со стороны виднее: угодишь под пятьдесят семь пунктов.

— Ну, говори, продолжай: все равно, он без понятиев.

Перцева взорвало. Он почувствовал, что должен сказать им что-нибудь дельное и нужное.

— Ребята,—заорал он.—Вот что: как начали, так и кончай. Скажу прямо: бери стружку толще.

— Долой. Вышвыривай его.

— При, при, Степка. Линию равняй,—не унимался Перцев.

— Да замолчи, трепло. Выкатывай. Поддай ему,— уже бунтовалась вся кипятилка.

— Ладно, ладно, я с богом и сам уберусь. Схлопочи, ребята, больше. Бери с запросом. Сбавить потом не поздно будет...

Но Перцева уже выталкивали.

— Да стойте вы, молодая сволота, у меня, ведь, тоже в этом месте нос не прищеми,—пятился он в дверях задом.

— Убирай, убирай свою сизую картошку,—весело гоготали из кипятилки.

— Ну, что, отведал?—встретила в мастерской публика Перцева.

— Ничего, они вам покажут: дельце, брат, по лекалу пригоняют.

А в это время к кипятилке, то и дело, подходили рабочие подслушать, что делают малыши. Рассказывали, прибавляли, привирали.

Начало светать.

И вдруг из глубины завода вырвались, пронеслись по притихшим мастерским, зазвенели шумы детских бодрых криков.

Заголосили, засмеялись, забегали, радостно заговорили... А то присерьезятся, соберутся в кучку, призовут старосту, скажут два слова с детским достоинством, с открытой, прямо в глазах написанной верой в новую жизнь, первый раз постигаемую светлым, как янтарь, детским умом.

И еще, и еще сильнее несутся трели детского говора, высоко-высоко за валами в сводах.

За шумом не слышно слов, легкая серебряная песня льется вверху и рождает в душе новый легкий призыв, зажигает боевое беспокойство, режет сердце острый укол вспыхнувшего мятежа...

— Вот еще затребовать,—читает Степа. Читает громко, почти кричит.

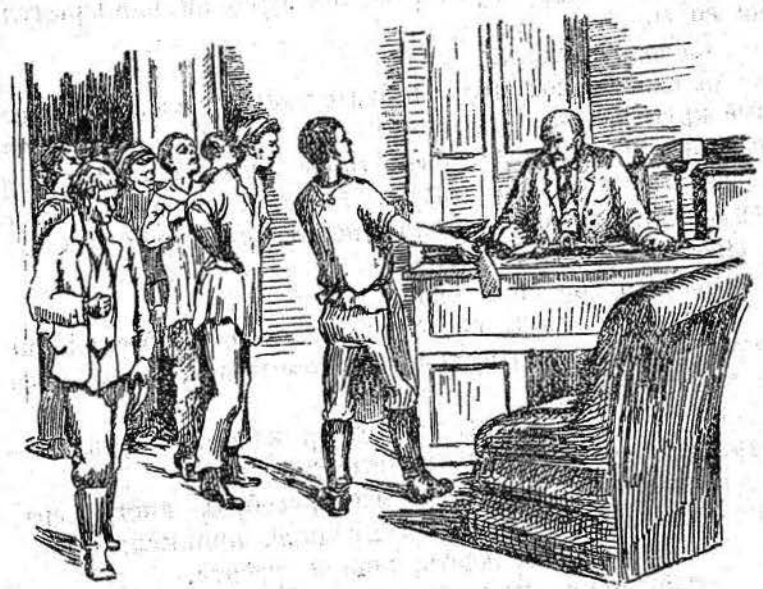
Прокофьев—и тот краем уха слушает.

— А кроме того,—кричит уже усталый и вспотевший Степа.

— За эту самую бастовку заплатить.

— И еще самое последнишнее, останное: никого из нас не арестовывать.

— Ах, вы, дуй вас горой,—не вытерпел проходивший старик-токарь.



Собрал своих товарищей... Мигом отдал бумажку с требованием.

Степа в ответ щелкнул пальцем в воздухе.

Прочел и был таков. Понесся к мастеру. Мигом отдал ему бумажку с требованием. Собрал всех своих товарищей. Некоторые из них как-будто еще стыдятся взрослых, другие держатся вызывающе.

Маленький Гараська предложил было «снять нахрапом весь завод для согласия», но Степка отговорил: «Берем все на себя. Начали одни, и держись. Потому, пример».

Гараська покраснел, почувствовал, что Степка как будто за этот вечер вырос; Гараська замолк.

— Конечно, конечно,—заговорили кругом,—а то еще который дунет, прибьет: мало ли ихнего брата, темноты-то.

— Айда, ребята, на волю,—закричал, что есть мочи, Степа,—за воротами расходись, не останавливайсь.

И крикнув последний раз полутемному заводу: «у-у-у», поскакав, повертевшись кругом и нырнув между станков, давя друг друга и спибая фуражки, они юркнули на волю.

Завод приумолк.

А внизу завод стал как-будто темнее: зеленые и красные круги в глазах помутили его. Завод—сырой, грязный, неуютный, подвальный. Электричество, заливавшее ночью завод ярким светом, кажется теперь слабым, ненужным. Как-то недостойно спорит оно с утром. Ширк—и выключен свет. Свободнее.

Все сгрудились у окон.

Двор еще спал, но сторож у калитки беспокойно ходил взад и вперед и изредка с кем-то переговаривался через контрольное окно.

Вдруг он заволновался, отпер запор, отворил ворота, и во двор в'ехали конные городовые.

Прокофьев сорвался с места, собрал инструмент, запер ящик и, обращаясь к публике, крикнул:

— Ну, али еще ждать, пошли, ребята.

Густая толпа, молчаливая, полная думы и тревоги, выходила из ворот.

Она несла в своей душе дивное биение за розовую, милую, только что рожденную юность.

(Из рассказа Гастева «В утренней смене»).

Вопросы: *1. Для чего рабочие устраивали забастовки?*

2. В чем убедились подростки, проведя забастовку?

В рабочем кружке.

Раз мимо дрыгалок проходил с зубильями в руках молодой смуглолицый слесарь. Стройная и крепкая фигура его, шапка черных кудрей, выбившихся из-под бельгийской фуражки, и резкие линии черных бровей и начинавшихся усов делали его заметным. Шел не спеша, гибко и уверенно, изредка вскидывая в сторону большие темные глаза, подернутые грустью. Когда он миновал уже Игната, рабочий Черницын вдруг позвал:

— Эй, Цыган.

Слесарь шел дальше. Тогда Черницын еще громче крикнул:

— Слышишь, жигало-жигало. Пусти, а то вырвусь.

Слесарь обернулся и вопросительно посмотрел в сторону окрика. Подумал. Потом той же мягкой и решительной походкой подошел к группе смеявшихся дрыгальщиков и обратился прямо к Черницыну:

— Ну.

Черницын взглянул в его темные глаза, прикинул глазом фигуру—и сразу сдал.

— Чего тебе показалось...

— Ты кричал?—Тонкие ноздри его прямого носа расширились и чуть запятнались. Черницын побледнел и, уже путаясь, пробормотал:

— Так разве ж я тебе, что ли?

Слесарь обдал его презрительной улыбкой и, не торопясь, пошел своей дорогой.

Сначала Игнат не обратил на это внимания. Показалось только, что голос и фигура слесаря очень знакомы. И вдруг вспомнил: Артем. Бывший приятель по приход-

ской школе,—«Жук». Остановил станок и бросился догонять.

— Артем! Артем!

Догнал у самых ворот, радостный.

— Тебя, брат, и не узнаешь. Изменился за эти три года.

— Вот не ожидал. Игнат! Где-ж ты?

— Здесь, на станке. А ты?

— Слесарем.

— Вот здорово-то. Право. Ну, как же ты живешь? Ты ведь думал в реальное поступить.

— Поступил.

— А как же ты сюда?..

Артем увял и после минутного молчания ответил:

— Отца раздавило... на заводе... ну, и ушел.

— Совсем—отца-то,—спросил Игнат недоверчиво.

— Не-ет,—неохотно ответил Артем.—Пожил немного.

Будучи в школе, Игнат раза два заходил к Артему и знал его отца. Это был крепкий и черноволосый, как и Артем, слесарь, хмуроватый на вид, а на самом деле—добродушный и даже веселый.

Игнату понравилось, что Артем говорил ему «ты», а тот обращался с ним, как с большим.

Мысль о смерти как-то не усваивалась.

Показался мастер и стоять было неловко.

— Пойдем в клуб,—предложил Игнат.

В красной будке с десятком сидений никого почти не было. К тому же люки и желоба были свеже просмолены и пахло даже приятно.

— Знаешь что,—сказал Игнат:—переходи в токарную, на станок.

— Зачем?—спросил Артем.

— Лучше же. И заработок больше... ну, и работа интереснее...

— А мне не нравится. Нудно. Да и какая это работа.

— Все станок делает. Вот рубишь зубилом или пилишь—так сразу себя чувствуешь.

Помолчали.

Артем немного оживился и спросил:

— Ты читаешь книжки?

— Читаю.

— Какие?

Игнат чуть не признался, что про святых, и с некоторым смущением ответил:

— Так... Разные...

— Эх, брат, какие книжки есть занятные... Я из библиотеки беру. Иногда такие попадаются. Вот вчера взял—«Спартак»—называется... вот интересно. Там, понимаешь, описывается, как взбунтовались рабы... ну и прочее... Знаешь что. Хорошо бы читать вместе. Одному скучновато: мыслей целая куча, а поделиться не с кем.

— Ладно,—согласился Игнат.—Да вот что, у меня тут два товарища есть, так вот бы вместе.

— Ну, что ж, это еще лучше. Приходите ко мне.

В ближайшее воскресенье Игнат, Павел и Степан, длинный и сухой парень, также работавший на дрыгалке, пришли к Артему.

Все здесь было так же, как помнил Игнат: низкий сводчатый потолок, полинялая кушетка, пестрая занавеска, закрывавшая печь, у которой возилась мать Артема, старенькая, с добрым лицом; несколько больших карточек рабочих, снявшихся в своих цехах, и почему-то картина убийства Александра Второго; на окнах фикус и герань, в просветы которых мелькали на улице ноги прохожих. Так же пахло слегка сыростью. Не видно было шустрой сестренки и брата. У одной стены стояли тиски, и Артем возился с починкой чьего-то велосипеда. При входе гостей бросил работу, обрадовался.

— Ну, вот и хорошо. А то сам хотел дочитывать, не терпится. Вот, братцы, книжка. Замечательная. Тут прямо-таки другая жизнь, заговорил он, возбужденно шагая и ероша волосы.—Да где жизнь—мир другой. Гладиаторы. Спартак... Нерон император... это положим не так еще... Дерутся и прочее... А вот, как рабы поднялись, вот где здорово. Ведь вы только подумайте: рабов

было раз в десять больше, над ними глумились, а они покорялись. Просто животными были. И вдруг, братцы, эти животные поднялись и пошли на своих палачей. И Спартак с ними. Эх,—оборвал он вдруг себя:—всего не перескажешь. Давайте-ка читать сначала.

Взгромоздился на верстак и стал читать. Картинное изображение битвы гладиаторов сразу же захватило слушателей. Даже Степан увлекся и жадными глазами смотрел на книгу, вздрагивавшую в руках чтеца.

В воображении Игната росла и расцвечивалась громадная волшебная картина иной жизни, иного мира,—полного красок, блеска и шума... И перед мощью этой картины вся Новоселовка с ее коробочными домиками и даже весь город показались вдруг такими жалкими, что Игнат не удержался и спросил:

— Неужели все это было.

— Раз пишут, значит было,—сердито ответил Степан.

А Павел обоим крикнул:

— Молчите.

Мать Артема, кончив стряпню, стояла, подперев щеку рукой, и с лаской смотрела на юношей. Изредка отчего-то вздыхала.

— А знаете что,—вскрикнул вдруг Артем,—мы тоже рабы.

Приятели переглянулись, и Степан сказал обидчиво:

— Какие мы рабы. Нас никто не бьет.

Артем злорадно ухмыльнулся.

— А-а, ты, значит, свободный. А можешь ты встать, когда захочешь.

Можешь ли ты обедать не по гудку.

— А зачем,—возразил Степан.—Я всегда по гудку обедаю. А захочу, так и с завтрака могу выйти на работу.

— С завтрака,—переспросил Артем и рассмеялся.—Эх, вы, новоселовцы.

Забрался снова на верстак и продолжал чтение.

Опять они в Риме. Спартак встречается с Цезарем. Рабы волнуются. Скоро, скоро уже произойдет схватка, грудь с грудью.

Степан и Павел обменялись какими-то знаками, потом оба поднялись и ушли, как-будто по серьезному делу.

— К барышням, черти,—проворчал Игнат.

— Не люблю таких,—сказал Артем, шагая по комнате.

Мать его зажгла лампаду, убрала кое-что и, собираясь куда-то итти, спросила:

— Не нужно ли чего, Темочка?

— Нет,—сердито ответил Артем. А когда она ушла, кивнул вслед и улыбнулся:

— Вечно у нее хлопоты. Там полечит, там ребят помоет...

Заметив, что Игнат смотрит на лампадку, пояснил:

— Пускай уж... Старуха. Она и мне нацепила крестик, что поделаешь. А отец... Знаешь, когда он умирал, мать позвала попа: отец только выругался крепким словцом. Так и умер.

— А ты?—с жадным любопытством спросил Игнат.

— Я по-отцовски,—коротко ответил Артем.

Заглянул в кадку для воды, стоявшую в углу и заворчал:

— Вот, брат, женщина—никогда не скажет, что воды нет, а потом таскает ведрами. Меня, вишь, жалеет.

Взял ведро и принес со двора воды.

Игнат попросил книгу и собрался домой. Вышли на улицу. Темнело, зажигали огни. Улица была короткая и узкая, словно каменная яма. Дребезжали извозчики, и душило жаркой пылью.

— А где же тут солнце встает?—спросил Игнат, оглядываясь. Артем кивнул головой через улицу.

— Кажется, там. Знаю только, что спускается там, где-то за этими домами.

Игнат улыбнулся.

— И звезды какие-то чахлые... Не любят они огня вашего. Приходи вот когда-нибудь на Новоселовку. Или в поле пойдем. Вот посмотришь звезды. И коростели дырчат... Перепела...

— Пойдем когда-нибудь. Да дело не в коростелях, брат, а в людях. Знаешь, отец был славный парень. Зашибал иногда, да ведь это ерунда. За то, как разговорится, только слушай. Читал даже запрещенные книжки.

— Запрещенные,—дивился Игнат.

— Ну да, потому что в них настоящая правда пишется.

— А кто-ж запрещает писать по правде.

Артем посмотрел на него и свистнул.

— Тю-тю, а ты разве не знаешь. Есть брат такие... Ну, а мне-то он не давал читать,—рано, дескать; а так рассказывал много кое-чего. «Не верь,—говорил,—сытым шарлатанам, которые пугают небом: все дела на земле решаются»...

С верхнего этажа дома, у которого они стояли, донеслись звуки рояля. Артем схватил Игната за руку и показал на ярко освещенные окна.

— Смотри, бал. В этом же доме, в подвалах беднота,—голая, голодная, болеющая. А там—бал. Помнишь Кляксу. Он у нас всегда задачи списывал, жирный, как свинья.

— Так, что он...

— Ну да больше миллиона получил в наследство, да половину акций нашего завода.

— Этот дурак. Что ж он с ними будет делать?

— Что делать?—Артем язвительно засмеялся.—Не знаю... А вот что мы будем делать—об этом не мешало бы подумать.

Однажды Артем забежал на минутку к Игнату в токарную и радостно сообщил:

— Ну, я кое-что нашел. Приходи вечером ко мне, пойдем кое-куда.

Игнат едва дождался вечера.

В тесной комнате, под самой крышей большого дома, было душно, на полу валялись окурки. Среди разбросанных книг и тетрадей лежал кусок несвежей колбасы и хлеб; на стене были пришпилены несколько открыток. Человек, лет тридцати, в очках, длинноволосый читал.

Двое молодых рабочих сидели на перекошенной кровати а третий, русак, в светлой бороде и с глубокими глазами, пристроился на облезлом чемодане. На другом же стуле, с выпадавшей ножкой, сидела девушка-папиросница и старалась быть внимательной.

Рабочие на кровати потеснились, чтобы дать место Игнату, а Артем сел в угол, прямо на полу, охватив ноги руками, не пропуская ни слова.

Чтение шло о том, как капиталисты наживаются за счет рабочих. Время от времени читавший,—его звали Андреем Ивановичем,—останавливался, взглядывал поверх очков и спрашивал:

— Так вот, значит, поняли, товарищи.

Двое сидевшие на кровати, дружно отвечали: «да». Русак покашливал в руку, а девушка краснела и улыбалась. Артем туго-туго напяливал брови.

Чтение тянулось часа два.

Кто-то осторожно постучал в дверь. Андрей Иванович вышел и через минуту вернулся с пачкой тощих брошюр и прокламаций.

— Ну-с, товарищи, на сегодня довольно.

Раздал всем посылку и, уговорившись насчет некоторых мелочей, распустил кружок.

Когда остались одни, Артем в радостном возбуждении хлопнул Игната по плечу и воскликнул:

— Вот. Я же тебе говорил, что все—в людях. Каждый камень кричал мне, что я—рабочий, а те—дармоеды. И вот теперь этот грабеж устанавливается даже наукой. О, чорт возьми. Если взяться за дело, можно испортить настроение этим господам. Как ты думаешь, дружище?

Вопросы: *1. Что дало Игнату знакомство с Артемом?*
2. Какую пользу приносили кружки рабочим?
3. Что было бы, если бы о существовании кружков узнало начальство?
4. А теперь как относятся на заводах к кружкам?

Тема: *Напишите небольшой доклад: Работа в кружке. Как мы организовали свой клуб. Составьте несколько лозунгов о значении работы в кружке.*

Разыграйте в своем кружке или клубе шараду на слово «подростки».

Разыгрыванье шарады заключается в том, что слово разбивается на части так, чтобы каждая часть имела самостоятельное значение, как, напр.—под и ростки. Каждая часть слова изображается в действии, в разговоре, где незаметным образом произносится нужная часть слова. Когда все части будут представлены, изображают все слово. Слово должно быть разгадано зрителями.

Да здравствует жизни всесильная мать, владычица мира—борьба.

Да здравствует юность, кипучий родник великих стремлений и бурь.

УИТМАН.

Мысль об организации Союза Молодежи.

Как-то раз Маркуша, после собеседования в кружке, показывает нам случайно приобретенный журнал Шведского Союза Молодежи. Бегло просматриваем его и возбужденно забрасываем Маркушу вопросами. Он долго рассказывает об организации молодежи на Западе, которая, например, в Швеции, оказывает даже влияние на партию и, вопреки ее указаниям, пошла по революционному пути и резко высказалась против войны. Маркуша рассказал все, что знал, а мы не унимаемся и, захваченные важной для нас новостью, опять до мелочей расспрашиваем все.

На Западе существуют свои самостоятельные организации молодежи, где она свободно разбирается во всех вопросах политики, руководит организацией, насчитывающей тысячи членов, издает свой журнал.

— Даже вывеска есть?—удивляемся мы.

— А русская молодежь не имеет возможности узнать об этом.

— О том, что на Западе существует Союз молодежи, мы даже предполагать не могли.

Опять в десятый раз просим Маркушу повторить до мелочей.

У Ратманского появляется мысль, он долго обдумывает ее и, занятый ею, не принимает участия в наших спорах. А через пару недель ошарашивает:

— Мы должны организовать Союз Молодежи.

— Какой?

— Как в Швеции.

— А вывеску приготовил?

— Нет, серьезно. Мы уже Союз. Нам надо оформить свою организацию, выработать устав и начать работу по привлечению подростков в Союз.

— Брось дурить, Миша. Пока существует царизм, твоя мысль является абсурдом, мы не можем свободно, незаметно пройти втроем по улице, а о массовом привлечении рабочей молодежи даже думать опасно.

Долго убеждали Мишу, но он не унимался и, занятый своею мыслью, частенько заговаривал о Союзе и, увлекаясь, рассказывал свой план:

— Нет, вы подумайте: свой Союз Молодежи. Мы создаем на заводах кружки, рассказываем подросткам все, что знаем—и так в каждом городе. А потом об'единяем все кружки во Всероссийский Союз Молодежи и готовим испытанных партийных работников. И я убежден, что такой Союз мы когда-нибудь да создадим.

(Из книжки «Молодежь в подпольи»).

Рост членов Союза Молодежи.

1922 год	. . . . .	247.000 членов.
1923 »	. . . . .	400.000 »
1924 »	. . . . .	800.000 »
1925 »	. . . . .	1.000.000 »

Вопросы: *Что вы знаете о Союзе Молодежи?*

Когда он организовался?

Почему он теперь называется Ленинским?

Быть членом Союза Молодежи — значит отдавать свою работу, свои силы на общее дело.

ЛЕНИН.

Тринадцать.

Ваньке тринадцать и сказываются 13 во всем. Словно тринадцать маленьких бесов прыгают они в Ванькиных радостях. И сам Ванька маленький, щуплый, похожий на облезлого котенка.

Это не он радостно шмыгает по отделениям, визжит и пожимает руку каждому встречному, когда от их фабрики проходит в Московский Совет коммунист, и не он в исступлении свистит и тоненьким голоском кричит: «Долой», когда кто-нибудь пытается «околпачить» его товарищей.

Это—тринадцать.

Сам же Ванька тих и скромен, скромен и робок.

И когда случается—сгущается над фабрикой гроза закрытия, всем нутришком своим чует Ванька, как тревожатся его тринадцать, и от этого выступают серые ложбинки на покатом детском лобике, и уже не звенят в коридорах фабрики бубенчики его гортани. Тихой тенью бродит синяя, промасленная блуза и не знает, куда поддаться.

К директору трусит Ванька, хоть и знает, что директор—красный, свой директор—рабочий и коммунист.

Угнетает что-то обстановка в кабинете. Веет от нее великой строгостью, и кажется вот-вот раздавят Ваньку стены, а на стенах—«говорите кратко», «время—деньги» и еще много картинок понаклеено, и сам старый

Ленин, Владимир Ильич, дорогой и близкий промеж них, улыбаясь, спрашивает:

— Ванька, зачем пришел? Такой, сякой, не мешай директору.

И надо, значит, по коридору во двор, и через двор в ремонтную, рядом во флигель, где на маленькой двери—прописью, скромно: «Здесь помещается ячейка РКСМ».

Ваньке тринадцать, а в уставе четырнадцать. Так и сказано: членом Союза может быть каждый подросток в возрасте от четырнадцати.

А покамест можно с совещательным—больно обидно: Гришка-то ведь член решающий. В одном классе и из одной мастерской... Федька, Сенька, Васька длинный тоже,—чем он?

Вся беда в тринадцати.

И когда бывает на собрании выносят резолюцию и целый лес рук вырастает над белокурым мхом голов, так и хочется поднять руку заодно со всеми, и боязно: вон кажется—каждый смотрит и говорит: «Ванька, не забудь устав».

Ночью в темной, затхлой комнате спит Ванька с братом Митрием в одной кровати. Спит Митрий сладко, крепко, обдает вокруг дыханьем потным и горьким.

Смотрит Ванька долго на лицо брата, дышит спертым воздухом и потихоньку:

— Митрий, а Митрий...

— Чего?

— Я об счет ячейки...

— Ну, чего, опять со школой?.. Завтра, завтра...

— Нет, я не об этом...

— Все равно—завтра: спать надо...

— Почему это так с четырнадцати?

— Что с четырнадцати?

— В уставе...

— В каком уставе?

— В рекесемовском...

— В рекесемовском потому, чтобы такие шпингалеты, как ты, в Союз не лезли. Понял?

— Понял. Только, Митрий, чем я хуже других?

Голос у Митрия злой и брюзгливый:

— Нельзя... Ведь знает, сукин сын, что нельзя, а тоже лезет... Заправил—и никаких... Спи вот лучше и нечего арапа заливать.

М. Колосов.

Вопросы: 1. *Чем можно об'яснить стремление рабочих подростков быть членами РЛКСМ?*

2. *Состоите ли вы членом РЛКСМ или пионером в отряде?*

Задание: *Если ты член РЛКСМ или член отряда пионеров, расскажи о пионерском движении неорганизованным ребятам.*

И растут, и растут ребята!
Поднимаются дети станков...
Нет, недаром кричал оратор:
„Молодежь—
Передовик передовиков!“

БЕЗЫМЕНСКИЙ.

Союзный билет.

Ночью в черной затхлой комнате спит Ванька вместе с братом Митрием в одной кровати. Спит Ванька. Снится ему сон. Будто причалил к их фабрике паровоз огромной мощности. «Ух»,—рявкнул, дернул и пошел, пошел к Москве-реке, а Москва-река и не река вовсе—море, море социальной революции. Паровоз, не думая,—на волны. Плещут волны через крышу, заливают нутро паровоза. Полыхает пламя топки, обжигает жадные языки моря, и шипят, шипят тяжелые поленья.

А у топки кочегаром—Ванька.

Пузырями, пузырями кожа: набегают белыми буграми, лижут их, разрывают волны. «Ах, уйтить бы от собачьей топки, прыгнуть бы в об'ятья волнам, освежить бы тело»,—только слышит Ванька:

— Что, устал, Назаренко?

Глянул. Видит—Ленин.

— Нет, не устал, товарищ Ленин...

— А как думаешь, довезем до коммунизма?

— Довезем, Ленин.

— Ну, тогда валяй, братец,—отселе недалече...

— Есть, Ленин.

Пузырями, пузырями кожа: набегают белыми буграми, лижут их и разрывают волны.

Вдруг—стоп... Остров.

На острове лето. Струится солнце, ластится ветерок, цветут сады. Выходят люди.

— Здравствуйте, Ленин. А кто это с вами?

— Это комсомолец Назаренко.

— Нет, не комсомолец я, Ленин, по уставу нехватает года.

— Ах, вот как?

И вдруг вынимает Ленин небольшой комсомольский билет и подает Ваньке. Видит Ванька свою фамилию, имя... Ах...

— Ванька, а Ванька.

— Что, Ленин?

Продирает сонные глаза и видит Митрия.

— Что, где билет... билет.

— Какой билет?

— Союзный билет...

— Чей?

— Мой.

— Откуда?

— Ленин дал.

И вдруг понял Ванька, что снился Ленин, и больше нет ничего. С горечью рассказал Митрию.

Тронуло Митрия.

— Вижу, Ванька, будешь ты комсомолец, что надо. Только мы с тобой теперь в одном положении: тебе в комсомол, а мне в партию... также, как и ты, страдаю: молод, говорят...

Тихим звоном отозвались в сердце слова брата.

— Верно, верно, Митрий, нам как-раз по году нехватает, давай уговор—в будущем году сразу вступать.

— Есть такое дело.

М. Колосов.

Идет, грядет новый человек.

(Картинка)

Урок обществоведения в школе ФЗУ на заводе «Красная Пресня» был сегодня под-ряд два часа.

Ребята устали.

Ворчание, выкрики:

— Кончить надо.

— Собрание еще должно быть. И пообедать успеть нужно.

Руководитель обществоведения, молодой парень, почувствовав усталость аудитории, согласился с ребятами.

— Ну, давайте кончать.

Ребята бегом к выходу. В дверях, откуда ни возьмись, представитель ячейки загородил руками выход.

— Не расходитесь, ребята. Сейчас собрание будет.

Ребята расселись кто на окне, кто на парте, а кто и за партой.

Встает секретарь ячейки. Прямо бегом к председательскому месту.

— Ну, ребята, давайте скорее без канители. Давайте председателя. Ведь и пообедать надо успеть.

— Архарова, Архарова.

— Ну, кто за Архарова?

— Все, все.

— Единогласно.

— Архаров, не канитель. Открывай собрание.

Ребята, высмеивая шаблон, подсказывают: «об'являю соб-ра-ние от-кры-тым». Но Архаров открыл без шаблона:

— Ребята, вот в чем дело: мы получили для тех, кто живет в коммуне, 10 кожаных костюмов, 10 пар

ботинок и 10 шапок. Нам надо решить, как их распределить.

Я на собрание попал случайно. Кожаные костюмы получила и наша школа фабзавуча Замоскворецкого трамвайного парка. Недавно я имел крупный разговор с ребятами, живущими в коммуне. Доказывал им, что есть ребята, которые в коммуне не живут, но более нуждаются, чем живущие. Ребята возражали: почему, мол, они не вошли в коммуну, когда их звали. Не дадим. Поэтому с большим интересом я следил за ходом собрания. Вот, думаю, споров-то будет. А тут хотят решить вопрос этот за 15 минут и еще пообедать сходить. Ребят фабзавучников и цеховых больше 100 человек, а костюмов всего 10. Думаю, что каждому охота получить кожаную куртку и поэтому ребята, по обыкновению, будут настаивать на жребии, а жители коммуны скажут, что это, мол, наше добро, нам дано, нам и отдайте и больше никаких.

Меня поразило предложение одного фабзайчика:

— Я предлагаю распределить не только среди фабзавучников, но и среди цеховых, выбрав из всех нас самых нуждающихся.

Предложение прошло единогласно.

Председательствующий Архаров читает список—кому из фабзавучников надо дать, и что именно.

Прошло предложение—разбирать каждого в отдельности.

Первый прошел единогласно, на втором, тов. Исаеве, заминка.

— У него галифе есть.

Одному комиссия дала брюки и шапку. Ребята кричат:

— Мало.

— Александрову почему сапог не дали?

— Дать, дать.

Единогласно постановили дать.

Секретарь, хозяйский глаз, предлагает сосчитать, сколько уже распределено и сколько оставить для фаб-

завучников. Оказалось, что фабзавучники могут распределить еще одну куртку, две пары брюк и две пары ботинок.

С мест крик:

— Разуваеву дать куртку и брюки.

Разуваев встает с места:

— Мне, ребята, ничего, кроме куртки не нужно. Тут есть кто поболе меня нуждается.

— Ребята, у кого еще чего нет?—спрашивает председатель.

— Дайте мне цилиндр.—Все засмеялись.

— Вот Сидоров ходит хуже всех. Я предлагаю проголосовать ему ботинки.

— Ребята, я хорошо знаю—у Антипова брюк нет.

— Теперь все распределено,—об'ясняет председатель.

Я сижу и думаю: если бы кто-нибудь мне все это рассказал, я бы не поверил, а вот теперь ведь сам, своими глазами видел. Никто из ребят ничего не просил и не набивался, чтобы ему дали, и не только на собрании, а в частном разговоре, когда мы шли в столовую, никто не скулил: «Вот я хожу как, а мне не дали». У жителей коммуны тоже никакого ропота. Удивительно.

Чем же это об'яснить?

Только одним—другие ребята, выросшие уже на революционной почве.

Невольно освежился в моей памяти разговор с рабочими в теплушке в 1919 году.

— Да какая тут коммуна, когда спокон века каждый норовит друг друга с'есть. Может наши дети присмотрятся к новому, попривыкнут.

Другой поддержал его мысль:

— С нами плохая коммуна. Только что молодежь, может, другая будет,—что-нибудь подходящее и выйдет.

Шесть лет революции и два года совместной жизни и борьбы в фабзавуче прошли для молодежи не даром. В этой капле коммунистического дела отразилось лицо нового человека.

Идет, грядет этот новый человек, научающийся не только говорить о коммунизме, но и в мелочах по-коммунистически поступать.

И это одна из заслуг фабзавуча, выросшего на революционной октябрьской почве.

Б. Трейвас.

Вопросы: *Что научило ребят разрешать трудные вопросы?*

Какое различие замечаете в жизни подростков прежде и теперь?

То поколение, которому сейчас 15 лет, увидит коммунистическое общество и само будет строить это общество, и оно должно знать, что вся задача его жизни есть строительство этого общества.

ЛЕНИН.

ДЕТИ РЕСПУБЛИКИ.

Дети Республики—вольные дети,
Дети рабочих и дети крестьян,
Не засекут вас нагайки и плети,
Не оберут вас ни знать, ни тиран.
И у богатых не быть вам рабами,
Зло вас не скосит, как косят траву;
Счастье, что грезилось людям веками,
Сбыться должно, наконец, наяву.
Дети Республики—вольные дети,
Дети рабочих и дети крестьян,
С вами живем мы на самом рассвете;
Начал едва расходиться туман.
Радостен будет все боле и боле,
Станет обширней и крепче наш стан,
Вы—точно первые цветики в поле,
Дети рабочих и дети крестьян.

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
Молодежи—весенний привет.—стих. *Туманного*	3
Для чего нужен капиталистам труд подростков	4
Забота об оплате труда подростков	7
Егорка на отдыхе	7
Кузнецы, — стихотворение	9
Игнат из Новоселовки—из рассказа *Бибика*	10
Ткачи, — стихотворение	15
Подростки на фабрике,—из рассказа *В. Герасимова*	16
Положение малолетних рабочих в ремеслах и на фабриках Англии	23
Джонни—из рассказа *Д. Лондона*	26
К. Маркс о детском труде	32
Забота инспектора—из рассказа *Д. Лондона*	33
Охрана труда малолетних и подростков в СССР	37
Карта распределения запрещения детского труда в Европе.	38
Карта распределения ограничения рабочего дня для несовершеннолетних в Европе	39
Охрана труда малолетних в буржуазных странах	40
Забастовка мальчиков—из рассказа *Гастева* «В утренней смене»	41
В рабочем кружке	47
Мысль об организации Союза Молодежи. Из книжки «Молодежь в подпольи»	55
Тринадцать—из рассказа *М. Колосова*	57
Союзный билет—из рассказа *М. Колосова*	60
Идет, грядет новый человек—из рассказа *Б. Трейваса*	62
Дети Республики—стихотворение	66